

Федор Бурмакин и Вавилонское царство

Жил-был царь и царица без короны. Выбирал он думших сенаторов, посылал по всем странам: не будет ли какой охотник в Вавилонское царство за царской короной? — Думшие сенаторы искали по всем странам, нигде не нашли охотника. Один пошел по питейным заведениям. Лежал тогда Федор Бурмакин в кабаке пьяный. Сенатор сказал: «Федор Бурмакин, не желаешь ли ты в Вавилонское царство за царской короной?» — Федор Бурмакин на то сказал: «Опохмель меня, я готов буду, желаю ехать!»

Опохмелил его, приводит к царю Федора Бурмакина. — «Федор Бурмакин, — сказал царь, — что тебе нужно с собой?» — Федор Бурмакин назначил: «Мне что-де лучший корабль, три бочки пороху, три бочки серы горючей, три бочки селитры!» — То он взял с собой товарища — сенатора — и рабочих лоцманов и отправился в Вавилонское царство.

Приезжает в Вавилонское царство, приваливаются на пристань. Федор Бурмакин взял с собой сенатора, отправился в дом. Царство его отворяется на время: когда змей-полоз раздвинется, тогда отворятся и ворота (Змейланское царство). То заходят в комнаты они. Марфа Вавилоновна сказала: «Каки-те ветры сюды занесли Федора Бурмакина?» — «Царь послал меня к тебе. Каково ты поживаешь?» — «Милости просим! Садись со мной за стол покушать!»

Понаелись. Марфа Вавилоновна говорит: «Давай в пешки, Федор Бурмакин, поиграем! А играть не так: если три раз я тебя поиграю, я тебя пожру, а если ты меня три раз поиграешь, и ты меня жри!» — Первый раз поставили пешки, она его обыграла. Второй раз поставили, опять обыграла. Остается один раз. Поставили в третий; он со своего краю две пешки под стол спихнул и говорит, что «пешельница у тебя неправильная, затем ты меня и обыгрываешь! Есть у меня в корабле пешельница мраморная и пешки также нумерованные. Дозволь мне сходить, тогда я уже буду как следно играть, а на твоей я не согластен играть!.. Если, Марфа Вавилоновна, не веришь, возьми сенатора к себе в комнаты! Я все-таки пойду, пешельницу принесу свою!»

То он сенатора к ней в комнату приводит, а сам пошел; по пути царскую корону взял с собой. Только добегаёт до пристани Федор Бурмакин, кричал

рабочим: «Как можно поскорее от берегу отваливай!» (Сенатора уж оставляет тут.)

Очень долго Марфа Вавилоновна ждала; потом вышла на балкон, смотрит на море: они очень уже далеко едут. — «Ах он, подлец, ах он, варнак, как надо мной насмеялся!» — Заходит в ту комнату, где сенатор, его сейчас съела. То засвистела, загремела самая мелкая змея по ухватищу, прилетела. — «Подите, — говорит, — спалите его, подлеца, не пустите его на белый свет!» — Полетели они. Стали надлетать над кораблем, он живо выкатил три бочки селитры; зажигает селитру, всех прижег-припалил; кое-как две остались, отправились назад.

Прилетают, докладывают: «Марфа Вавилоновна, всех он нас прижег-припалил, кое-как мы отдалились!»

Тогда она опять засвистела, загремела, более того змей насвистела: «Подите, спалите; его на белый свет не пустите!» — То стали над кораблем надлетать, он выкатил три бочки пороху, всех их прижег-припалил; кое-как две отдалились, полетели назад. Прилетели с докладом: «Марфа Вавилоновна, всех нас прижег-припалил, кое-как мы отдалились».

То захотелось Федору Бурмакину отдохнуть. Привалился к берегу, начали себе обед, кашу варить. Попала Федору Бурмакину тропа; идет он по этой тропе, ягоды собирает и ушел от пристани далеко. А его рабочие тогда расположились на отдых спать. Эти змеи прилетели и всех их прижгли-припалили, этих рабочих, и весь корабль по бревну раскатали, по морю пустили. Федор Бурмакин приходит на пристань и видит: корабля нет, корабль весь прижженный; горе его ошибло, что никого нет. — «Куды теперь моя головушка придлит? ... Пойду теперь по этой тропе, куды она поведет меня?» (А корона у него хранится.)

Доходит он до агромадного дома; заходит в этот дом. А в этом дому живет Кривая Ерахта, Марфы Вавилоновны брат. Кривая Ерахта сказал: «Куда же ты, Федор Бурмакин, пошел — зашел в наш дом?» — «Я нечаянно пришел в твой дом. Прими меня с тобой жить в товарищи». — То Кривая Ерахта его принял, стали жить с ним вместе. Кривая Ерахта ему сказал: «Не вылечишь ли ты, Федор Бурмакин, мне глаз? У меня один глаз не видит». — Федор Бурмакин сказал: «Есть у тебя олово?» — «Есть». — «Есть канаты?» — «Есть». — «Тащи мне напарья и черпак! Потом тащи канаты!» — Притащил он канаты. Положил его на пол, примерил, навертел напарьей дыр. Привязал он его на еаровинны канаты. — «Ну-ка, Кривая Ерахта,

поворотись, — говорит, — чтобы канаты повытянулись!» — Кривая Ерахта повернулся, канаты эти лопнули.

«Нет ли у тебя силянных канатов?» — «Есть». — «Ну, тащи мне силянные канаты!» (Те поздоровше будут.) — Притащил ему силянные канаты, то привязал он на силянные канаты. «Ну-ка теперь поворотись, Кривая Ерахта! Канаты пушай повытянутся». — Кривая Ерахта повернулся, весь дом ворочается, только канаты повытянулись, не лопнули.

Тогда сказал Федор Бурмакин: «Ты, Кривая Ерахта, кривой (глаз) расщурь (гляди кривым), а здоровый зажми!» — То он почерпнул черпаком олово, плеснул на все лицо ему оловом горячим.

Тогда Федор Бурмакин выбежал из комнат во дворец., а Кривая Ерахта как встрепенулся, канаты его лопнули. Выбежал Кривая Ерахта во дворец и спросил: «Федор Бурмакин, ты где?» — «Во дворе», — сказал. Ходил по двору Кривая Ерахта, его искал и хотел его съесть. Тогда у Кривого Ерахты был слуга козёл; и он к козлу стал, Федор Бурмакин, привязываться. Привязался Федор Бурмакин к козлу, тогда козёл подбегает к Кривой Ерахте. Козёл как только заревел, в досаду Кривой Ерахте (что козёл ему еще прибежал досажать), тогда взял этого козла и выбросил за свой дворец (а двор у него был тыном устроен).

То он во второй раз спросил: «Федор Бурмакин, ты где?» — Федор Бурмакин сказал: «Я за двором!» — «Как ты туды попал?» — «Ты выбросил, — говорит, — меня с козлом». — «Хитрый, — говорит, — ты!» — Тогда он живо от козла отвязывался. — «Прощай,— говорит, — Кривая Ерахта, я уйду!»

«На вот, я тебе подарочек дам, складень!» — Федор Бурмакин брал правой рукой складень; тогда Кривая Ерахта сказал, что «складень, держи его!» — Складень его держит: если потянуть, рвануть, то должен он мне руку обрезать — (складень зажал руку крепко). Кривая Ерахта отворял ворота (поймать чтобы Федора Бурмакина). Федор Бурмакин видит, что он к нему подходит, не пожалел свою руку, руку обрезал и ушел от него. Наконец сказал: «Ну, Кривая Ерахта, ты теперь вовсе слепой, а я хоть без руки, да вижу, куда идти!»

От этого двора тоже попала ему тропа; пошел он по этой тропе, доходит по этой тропе: стоит дом, Марфы Вавилоновны тут живет сестра. Заходит в дом, увидел он: Марфы Вавилоновны сестра. — «Здравствуешь, госпожа женщина! (Назвать вас не знаю как)». Сказала эта женщина: «Куда же ты

отправляешься, Федор Бурмакин? Зашел в дикое место сюда!» — «Я заблудящий человек; не примешь ли ты меня с собой жить на место мужа?» — Она согласилась с ним жить, так же на место мужа держать, и они в год прижили мальчика. То Марфы Вавилоновны сестра говорит: «Теперь, Федор Бурмакин, живи как требно быть, по-домашнему: что мне, — говорит, — то и тебе дитё!»

То она улетала на побоище, его жена, а он сходил к морю и сделал себе плот. Она летела с побоища и плот этот увидала. Прилетает и говорит: «Что же ты, Федор Бурмакин, к чему же ты этот плотик исправил?» — Сказал Федор Бурмакин: «Что же ты какая неразумная! Вот у нас ребеночек есть, обс...ся, нужно пеленки помыть! На плотике лучше помыть пеленочки». — «А я думала, что ты хочешь от меня отдаляться на этом плотике!» — «Нет, я не буду отдаляться, буду жить!» — Тогда он плот оставил тут, а весло исправил, спрятал (чтобы ей не видать было). На будущий день она отправилась на побоище, наказала: «Смотри, от ребенка никуда не ходи!» — Только ее проводил, отправился скоро к морю, сел на плотик и поехал.

То ребенок заревел, и лес затрещал. Услыхала Марфы Вавилоновны сестра, что ребенок ревет, очень скоро воротилась домой. Прибежала, ребенка схватила, прибежала на море, на ногу (ребенка) стала, а за другую разорвала напополам. Она бросила эту половину, добросила до него, у него плотик начал тонуть. Кое-как он спихнул эту половину, потом отправился вперед, а она свою половину съела.

То он ехал — близко ли, далеко ли, низко ли, высоко ли — пристал, привалился опять к берегу; потом он пошел по Уралу, нечаянно приходит на такое побоище: выбито побоище в печатную сажень. Тогда Федор Бурмакин сказал: «Дождусь, кто сюда прибудет?» — Залез он на дуб и сделал себе лучок и начал делать стрелки. То приходит наперво к нему лев-зверь. Лев-зверь взглянул на дуб, увидел Федора Бурмакина, сказал: «Федор Бурмакин, помоги мне окаянного Идолища победить, а я тебя в твое царство (в русское государство) доставлю!»

Приходит шестиглавый окаянной Идолище, взглянул на дерево, увидел (на этом дубу) Федора Бурмакина; сказал окаянный Идолище: «Если ты, Федор Бурмакин, поможешь лева-зверя похитить, я тебе половину золотой горы отдам!» — Сказал Федор Бурмакин: «Подеритесь вы сначала одни, я тогда на вас погляжу, которому помокчи!» — То Федор Бурмакин подумал: «Если мне Идолищу помокчи, куда мне половину золотой горы? Лучше я помогу леву-зверю: лучше пусть он меня доставит во свое царство!» — Скричали

они ему: «Пособляй которому-нибудь, а то мы драться долго не будем!»

То Федор Бурмакин натянул свой лучок, пустил в Идолища, отшиб ему голову. И во второй раз пустил, другую отшиб; в третий раз пустил и третью отшиб. Стал лев-зверь уже одолевать его; а Федор Бурмакин натянул четвертый раз, четверту отшиб. Остается две. Остатки лев-зверь сам закончил. Он убил, лев-зверь, вовсе Идолища, сам вылез из шахты. — «Слезай, Федор Бурмакин, не опасайся! Я тебя не пошевелю!»

Федор Бурмакин слез с дубу, поздоровался с левом-зверем, сел на него и поехали. Добегают до белого камню. Сказал лев-зверь, что «я не могу тебя теперь в твоё царство везти; на трои сутки дай мне отдохнуть здесь». — Федор Бурмакин сказал: «Чем же я буду трои сутки здесь пропитываться?» — «Вот ты этот камень лизни три раза, будешь тогда сыт, пьян и весел!» — То он лизнул белый камень три раза, и сделался — сыт, пьян и весел Федор Бурмакин. — «Можно проживаться мне!» — говорит. — Трои суток проходит, тогда лев-зверь встал, сказал: «Садись на меня и держись за меня крепче!»

То он привозит его в русское государство, а наконец сказал: «Ты, смотри, Федор Бурмакин, мною не хвастайся, что я на лев-звере ездил! Если ты мною похвастаешься, тогда я тебя не пожалею, съем!» — Приходит Федор Бурмакин к царю во дворец, а царь завёл пир на весь мир. То, в пьянстве, хвастались генералы войсками, а купечество хвасталось деньгами. Царь наказал: «Если кто в пьянстве помянет про Федора Бурмакина, того живого в могилу копать. (Он досадил мне шибко.)»

Тогда Федор Бурмакин сам сказал: «Ох вы, купечество, толстопузики толстоголяхие, вы хвастаетесь деньгами, — говорит, — а вы бы, — говорит, — тем похвастались, кто на леве-звере ездил!» — Лев-зверь все равно как тут и был; сказал, что «Федор Бурмакин, был договор, что мною не хвастаться!» — Федор Бурмакин сказал: «Не я хвастаюсь, а хмель!» — «Где он?» — «Иди, я вот подведу!» — Подвел его к бочке, к вину: «Вот давай лани тут, лев-зверь, этот хмель!» — Напился лев-зверь пьяный и свалился. Федор Бурмакин тогда скуртюжил, связал его крепко.

Проснулся лев-зверь, сказал: «Кто меня связал?» — «Вот хмель связал тебя! Он может тебя и развязать». — Напился он во второй раз, лев-зверь; он его развязал. Потом проснулся лев-зверь развязан. «Ну, и верно, Федор Бурмакин, чем ты знаешь, тем и хвастайся теперь! Ступай,—говорит,—я поверил, что хмель может все сделать».

То приходит он к царю; сказал: «Ох вы, господа генералы, хвастаетесь вы войсками, а вы бы тем похвастались, кто в Вавилонское царство ходил за царской короной! И вот я предоставил царскую корону!» — говорит. То он развязывает свой суквяж и вынимает царскую корону, подает царю корону. То извинился царю, что я оплошал: корабль мой нарушили и народ весь сожгли, только я один мог сохраниться». — Поблагодарил его царь, наградил его деньгами. — «Куды знаешь, туды и ступай теперь, Бурмакин!»

(Зап. Зелениным от А. Д. Ломтева)

Великорусские сказки Пермской губернии. Сборник Д. К. Зеленина. Москва. Изд. "Правда", 1991.

Читайте также русскую народную сказку "[Борма Ярыжка](#)".